This article is thus remarkable for its thorough linguistic analysis. It also provides a linguistic portrait which can help historians to answer a question who Demetrius was and who he was not.

В 1898—1899 гг. была написана и напечатана дважды без изменений статья И. А. Бодуэна де Куртенэ. Ее первый текст (из Россики РПБ в Санкт-Петербурге) был у нас в руках краткое время; второй — с лаконичным послесловием, помеченным мартом 1899 г. и содержащим ответ на полемику,— сохранил прежний заголовок: J. Baudouin de Courtenay. Strona językowa originału polskiego listu «Dymitra Samozwańca» do papieża Clemensa VIII z dnia 24. kwietnia roky 1604 (W Krakowie nakładem Akademii Umiejętności, 1899, stor. 1—31 в оттиске, 183—213 в книге).

Статья эта была известна в России: она была написана по просьбе академика А. А. Шахматова, вызвала толки в петербургской польской газете «Kraj». Статья упоминалась в русских библиографиях И. А. Бодуэна де Куртенэ. Написанная по-польски, она на русский язык не переводилась, возможно, из-за редкой трудности текста самого письма Димитрия, смешивавшего в своем польском письме русскую церковнославянскую, латинскую с плохо им усвоенной сложной и неустоявшейся орфографией польских рукописей XVII в.; может быть, не была переведена и потому, что точный анализ великого лингвиста делал несостоятельной официальную версию, будто названый Димитрий мог быть бродягой Отрепьевым, и, таким образом, расходился с выдумкой Годуновых и Василия Шуйского, выдумкой, согласно которой Гришке Отрепьеву (в качестве самозванца) неутомимо провозглашали «анафему». Кроме того, Бодуэн — славное дитя трех народов и трех культур: французской, польской и русской,— прославившийся раньше всего в Российской Империи, родился в городе Рад(з)ымине под Варшавой и не хотел вступать в лишний конфликт с имперскими властями, придерживавшимися версии Отрепьева, тем более что ему предстояла работа в Казани, С.-Петербурге, Юрьеве, а не в Кракове.

Статья, которая могла зажечь сердца лингвистов по стройности аргументации и взволновать языковедов-славистов, практически была полузабыта. Историкам она должна была навеять мысль, что далее, после трудов Н. И. Костомарова и И. А. Бодуэна де Куртенэ, поддержанного А. А. Шахматовым, нужно считаться с вопросом о сложности происхождения названого Димитрия. Шахматов, ознакомившись со статьей, подсказывал ему имена русских историков, не только отрицавших напраслину об Отрепьеве, но даже утверждавших подлинность царя Димитрия II Иоанновича (первым был Димитрий I Иоаннович Донской). Упомянутые труды показывали, что далее придерживаться одностороннего суждения о самом антикрепостническом монархе XVII в. как о беглом расстриге, едва могшем знать латынь и быть знакомым с польской книжностью, Гришке (который пристал к Димитрию, но достоверно, куда он делся, неизвестно), стало признаком пристрастия мысли. Невнимание к суждениям Бодуэна де Куртенэ не должно больше оправдывать игнорирование математически точных лингвистических данных портрета Димитрия. В переводе нет сокращений, кроме отсечения дополнения 1899 г., которое не относится к сути вопроса, и усечения полных рядов строго однотипных примеров (они у нас укорачиваются, что и показано всюду угловыми скобками).

Наборная перепечатка текста письма Димитрия в статье Бодуэна де Куртенэ, видимо, обусловленная ограниченностью возможностей краковской типографии, в журнале заменена ксероксом всех трех листов письма. Кто хочет обратиться к наборной копии письма, содержащей и предварительные подстрочные примечания, затем повторенные по категориям в тексте Бодуэна де Куртенэ, при надобности может воспользоваться текстами РГБ и РНБ.

Числа в скобках указывают номера строк рукописи Димитрия (всего их 66), а номера с указанием «с.» — страницы в издании, которые имеют двойной